

Научная статья

УДК 343.13

EDN VMKWGQ

DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).290-299

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОЗНАНИЯ

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

27 января 2026 г.

Дата принятия к публикации

23 июня 2026 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2026 г.

Ключевые слова

Дознание; досудебное производство; общий порядок дознания; орган дознания; ординарное дознание; предварительное расследование; сокращенное дознание; уголовно-процессуальная политика

Аннотация. Статья посвящена разрешению дилеммы о перспективности дифференциации дознания как одного из направлений современной уголовно-процессуальной политики России. В этой связи рассматриваются проблемы, присущие дознанию в сокращенном порядке как форме предварительного расследования уголовного дела, возникшей в результате предпринятой в 2013 г. попытки подобной дифференциации. В первую очередь говорится о недостаточной практической востребованности сокращенного дознания, о постоянно уменьшающемся количестве предполагающих такой порядок предварительного расследования уголовных дел. Неспособность сокращенного дознания превратиться в реальную альтернативу дознанию в общем порядке объясняется существованием нескольких негативных факторов: 1) диссонансом с глубоко укоренившимися представлениями о механизмах досудебного производства по уголовному делу; 2) целым рядом дополнительных, не свойственных ординарному дознанию условий; 3) недостатками современной правотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства, повлекшими низкое качество правовой основы сокращенного дознания. Одновременно указывается на производность таких факторов, на их предопределенность общей первопричиной большинства присущих сокращенному дознанию недостатков — редуccionной природой данной формы предварительного расследования, сведением ее сущности исключительно к набору изъятий из общего порядка дознания, т.е. к неприемлемому для правотворчества упрощению ранее усложненного механизма решения стоящих перед органами дознания задач.

В этой связи делается вывод об изначальной неудачности правотворческих замыслов о дифференциации дознания посредством введения упрощенных механизмов работы правоохранительных органов полицейского типа; одновременно говорится о неразумности проводимой в данном направлении уголовно-процессуальной политики. В заключение указывается, что реальные перспективы упрощения дознавательской практики могут связываться лишь с возрождением некогда существовавших подходов к дознанию как к сугубо полицейской деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, сохранению следов произошедшего, установлению и задержанию подозреваемых и т.п. Не исключается, что в таком случае потребность в какой-либо дифференциации дознания отпадет сама собой.

Для цитирования. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная политика России: дифференциация дознания / С.Б. Россинский. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).290-299. — EDN VMKWGQ // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 3. — С. 290–299.

Original article

RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE POLICY: DIFFERENTIATION OF THE POLICE INVESTIGATION

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2026 January 27

Accepted

2026 June 23

Abstract. This article addresses the dilemma surrounding the prospects for differentiated police investigations, which is one of the areas of contemporary criminal procedure policy in Russia. In this regard, the problems inherent in the abbreviated police investigation are examined. This form of police investigation emerged in 2013 as a result of the first attempt to differentiate police investigations. Primarily, the article discusses the weak practical application of the abbreviated police investigation and the steadily declining number of criminal cases involving abbreviated police investigations.

© Россинский С.Б., 2026

Available online
2026 June 29

Keywords

Police investigation; pre-trial proceedings; general procedure for police investigation; investigatory body; standard police investigation; preliminary investigation; abbreviated police investigation; criminal procedure policy

The inability of the abbreviated police investigation to become a viable replacement for the standard police investigation is explained by several negative factors: 1) a conflict with the traditional understanding of pre-trial criminal proceedings; 2) a number of additional conditions that are not typical of the standard police investigation; 3) shortcomings in current criminal procedure lawmaking, which have resulted in the poor quality of the legal basis for the abbreviated police investigation. At the same time, it is pointed out that these factors are secondary, and that the shortcomings of the abbreviated police investigation are rooted in a common cause, namely, the fact that an abbreviated police investigation is a reduction, it consists solely of exceptions from the normal procedure of police investigation. This approach is deemed unacceptable for lawmaking, as the mechanism that was previously made more complex cannot be simplified.

In this regard, it is concluded that the legislator's original intentions of differentiation through the introduction of the abbreviated mechanism of police work were unsuccessful. Simultaneously, it is argued that the criminal procedure policy pursued in this area is unwise. Finally, it is stated that real prospects for simplifying police practices can only be associated with a revival of previously existing approaches to police investigation, which were understood as purely police activities to identify and solve crimes, preserve traces of the incident, identify and detain suspects, etc. It is possible that in such a case, the need for any differentiation in investigations will disappear.

For citation. Rossinskiy S.B. Russian Criminal Procedure Policy: Differentiation of the Police Investigation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 3, pp. 290–299. (In Russian). EDN: VMKWGQ. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(3).290-299.

Введение

Стоящие перед Российской Федерацией вызовы в сфере борьбы с преступностью заставляют вновь и вновь задумываться об эффективности и разумности проводимой уголовно-процессуальной политики — одного из важнейших направлений «антикриминальной» деятельности государства, предполагающего выработку и реализацию продуктивных право-творческих и организационно-обеспечительных мер, направленных на оптимизацию уголовного судопроизводства [1, с. 411]. К тому же особая на сегодняшний день актуальность подобных задач обусловлена давно назревшим отказом от пресловутых западно-либеральных ценностей и стремлением к поиску собственного пути развития уголовной юстиции, с одной стороны, основанного на глубоких национально-исторических традициях, а с другой — предполагающего приемлемый для современности баланс публичных и индивидуальных интересов [2, с. 36], адекватное соотношение властных полномочий государственных органов и должностных лиц с диспозитивными возможностями невластных субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

В частности, в последние годы наблюдается потребность в существенной рационализации досудебного производства по уголовному делу. Причем далеко не в последнюю очередь такая потребность объясняется неоправданно высокой заформализованностью работы органов дознания и предварительного

следствия, ее перегруженностью избыточными условиями и предписаниями, приводящими к необходимости осуществления явно излишних процессуальных действий и вынесению достаточно бессмысленных процессуальных решений, к разрастанию количества соответствующих документов, к усилению бюрократизации и т.д., а в итоге — к неимоверному расширению объемов уголовных дел, к увеличению возлагаемой на дознавателей и следователей служебной нагрузки, к удлинению сроков выполнения стоящих перед ними задач, к повышению общей «стоимости» уголовной юстиции и прочим негативным последствиям. В этой связи к данным проблемам приковано внимание многих «причастных» к уголовно-процессуальной политике лиц: государственных и общественных деятелей, ученых-процессуалистов, руководителей правоохранительных ведомств, иных крупных практических работников и т.п. Высказывались и продолжают высказываться самые разные мнения вплоть до фантазмагоричных тезисов о полной замене российского досудебного производства непроцессуальным полицейским расследованием англосаксонского типа (investigation). Однако преобладающими оказались не столь оригинальные взгляды — о рационализации дознавательской и следственной деятельности за счет упразднения ряда присущих ей процедур, в том числе стадии возбуждения уголовного дела [3, с. 58; 4,

с. 11–12], тогда как самыми распространенными стали суждения о потребности в очередной дифференциации предварительного расследования. Прежде всего, они выразились в идеях о вариативности дознания — начали высказываться предложения о необходимости введения «второго», заметно упрощенного порядка дознания, предназначенного для установления обстоятельств достаточно очевидных и не предполагающих серьезной общественной опасности преступлений [5, с. 329; 6, с. 12]. К тому же для современной уголовно-процессуальной политики подобные стремления являются далеко не чуждыми — в «новейший» период развития уголовного судопроизводства уже предпринимались вполне удачные эксперименты, позволившие добиться некоторой оптимизации правоприменительной практики именно посредством дифференциации процессуальной формы и появления упрощенных порядков решения стоящих перед уголовной юстицией задач. Например, впервые предусмотренная действующим уголовно-процессуальным законом возможность постановления обвинительных приговоров в особом порядке (гл. 40 УПК РФ), несомненно, поспособствовала ускорению уголовного правосудия, сокращению требуемых для его осуществления затрат, снижению возлагаемой на судей, прокуроров, адвокатов нагрузки, иным экономическим выгодам.

Вместе с тем на поверку идеи о вариативности дознания и предложения о введении «второго», упрощенного порядка дознавательской деятельности оказались не столь удачными, каковыми они, по всей вероятности, изначально представлялись их авторам. По крайней мере, предпринятую в 2013 г. попытку подобной дифференциации, выразившуюся в появлении сокращенного дознания, следует расценивать как достаточно провальную, толком не оправдавшую возложенных на нее надежд. Причем на сегодняшний день тщетность этого опрометчиво сделанного правотворческого шага получила чуть ли не официальное признание. Во всяком случае, в настоящее время уже стали разрабатываться и активно обсуждаться новые пути упрощения предварительного расследования. Например, в МВД России был подготовлен очередной пакет поправок к УПК РФ, помимо прочего направленный на ликвидацию сокращенного дознания и введение так называемого особого порядка досудебного произ-

водства — еще одной вариативно-упрощенной формы работы правоохранительных органов¹. Правда, ввиду множества нареканий к данному законопроекту его внесение в Федеральное Собрание РФ пока отложено — не исключено, что указанные правотворческие намерения вообще останутся нереализованными.

В этой связи закономерно возникает дилемма о перспективности дифференциации дознания. Другими словами, появляются вопросы о разумности проводимой в данном направлении уголовно-процессуальной политики. Их рассмотрению и посвящена настоящая статья.

Двадцать третий федеральный закон как неудачная попытка дифференциации дознания

Итак, первая в новейшей истории России попытка дифференциации дознания была принята в марте 2013 г. — соответствующие поправки в УПК РФ нашли отражение в так называемом Двадцать третьем законе². Наряду с существовавшим ранее и предусмотренным гл. 32 УПК РФ общим порядком дознания (ординарным дознанием) возникла еще одна, упрощенная форма предварительного расследования — предусмотренное гл. 32.1 УПК РФ дознание в сокращенной форме, или просто сокращенное дознание. По замыслу «коллективного законодателя», подобные нововведения должны были поспособствовать ускорению уголовного правосудия, снижению возлагаемой на органы дознания служебной нагрузки, оптимизации выделяемых на их деятельность бюджетных ассигнований и т.п. По крайней мере, именно такие доводы можно обнаружить в официально опубликованной пояснительной записке к проекту Двадцать третьего закона³ — намерения ввести сокращенную форму дознания прямо объясняются стремлением к прекращению нерационального расходования сил

¹ О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <https://clck.ru/3U6EZA>.

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ : (ред. от 28 дек. 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Пояснительная записка к законопроекту № 33012-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6>.

и ресурсов государства на нужды уголовной юстиции, к сокращению сроков досудебного производства по не представляющим сложности уголовным делам о достаточно очевидных преступлениях. В этой связи сокращенное дознание удостоилось целого ряда позитивных оценок ученых-процессуалистов — многие авторы сочли его появлением своевременной, разумной и давно назревшей мерой, важным этапом на пути реформирования досудебного производства, равно как и всей уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 33; 8, с. 4]. Правда, некоторые специалисты, признавая общую потребность в подобных упрощениях, все же высказались о несовершенстве введенных новаций, о надобности дальнейших корректировок правил работы органов дознания [9, с. 22].

Вместе с тем сокращенное дознание явно не оправдало возложенных на него надежд. Оно так и не смогло превратиться в реальную альтернативу ординарному дознанию, сделаться хорошим подспорьем в решении стоящих перед досудебным производством по уголовному делу задач, завоевать популярность у сотрудников полиции и других правоохранительных органов, снискать благосклонное отношение со стороны прокуратуры, развеять вполне ожидаемые сомнения представителей адвокатского сообщества, подозреваемых, потерпевших в безопасности упрощения формы предварительного расследования и т.д. Иными словами, воплощенные в Двадцать третьем законе замыслы оказались не вполне жизнеспособны, по крайней мере, малопригодны для практического использования в работе наделенных дознавательскими полномочиями правоохранительных органов, прежде всего полиции.

Правда, на первых порах количество сокращенных дознаний достигало более или менее существенных величин — доходило до 20 % от всех оканчиваемых в форме дознания уголовных дел. Например, в производстве полиции как основного «потребителя» сокращенных дознаний могло находиться до нескольких десятков тысяч таких материалов в год. Однако подобная «востребованность» обуславливалась преимущественно активным использованием пресловутого административного ресурса. Органам дознания приватно спускались достаточно высокие количественные нормативы оканчиваемых в сокращенной форме уголовных дел — ввиду понятных причин их приходилось выполнять, иногда прибегая к различным

ухищрениям и отступлениям от надлежащего толкования закона. В дальнейшем возникший вследствие принятия Двадцать третьего закона ведомственный ажиотаж понемногу сошел на нет — спускаемые ранее нормативы постепенно утратили актуальность, а само сокращенное дознание со временем стало восприниматься как набитая оскомина. В этой связи численность таких материалов сразу начала уменьшаться. Например, в 2022 г. количество оконченных полицией сокращенных дознаний едва достигло 12 % от всех завершенных в форме дознания уголовных дел, в 2023 г. не превысило 10 %, а в 2024 г. снизилось до 7,5 %.

Столь низкую и к тому же постоянно уменьшающуюся востребованность сокращенного дознания в правоприменительной практике можно объяснить совокупностью нескольких взаимосвязанных, частично переплетенных, но, тем не менее, предполагающих собственный смысл, во всяком случае, имеющих индивидуальные оттенки негативных факторов. Так, во-первых, приходится констатировать нахождение положений гл. 32.1 УПК РФ в явном диссонансе с глубоко укоренившимися в доктрине и правоприменительной практике, признаваемыми большинством специалистов в качестве само собой разумеющихся представлениями о механизмах досудебного производства. Легализованные в Двадцать третьем законе инновационные подходы к предварительному расследованию, будучи изначально основанными на разрыве существовавшего в течение нескольких десятков лет позднесоветского шаблона, оказались не вполне пригодными к должному восприятию, а точнее принятию, профессиональным сообществом. В этой связи многие ученые-процессуалисты далеко не без причин стали писать об определенной ущербности и несправедливости сокращенного дознания, о его несоответствии базовым канонам уголовного процесса, главным образом стандартам доказывания, и т.п. [10, с. 24; 11, с. 107; 12, с. 58; 13, с. 43]. А практические работники так и не смогли полностью адаптироваться к принципиально новым, непривычным правилам работы, ментально признать их допустимость, а если говорить на языке психологии — отказаться от устоявшегося поведенческого паттерна, выйти из своеобразной зоны комфорта. Ни сами дознаватели, ни их руководители, ни прокуроры, ни суды, ни, разумеется, адвокаты не сумели преодолеть недоверие к возможностям установления имеющих

значение для уголовных дел обстоятельств посредством «неполноценных» когнитивных приемов. Соответствующие познавательные результаты так и не заслужили требуемого отношения: невзирая на предпринятую посредством того же Двадцать третьего закона попытку усиления статусности, значимости и формализации способов собирания ряда подобных «средств доказывания» (ч. 1.1, 1.2 ст. 144 УПК РФ), их надежность, пригодность к использованию в качестве заменяющих традиционные доказательства информационных суррогатов и ценность для нужд уголовной юстиции по-прежнему видятся большинству правоприменителей достаточно сомнительными. В итоге сокращенным дознаниям все чаще становятся присущи характерные для полноценных расследований процессуальные действия — случилось именно то, о чем еще в 2013 г. писали самые проникательные ученые; их предсказания полностью оправдались [14, с. 84]. Другими словами, сокращенные дознания фактически перестали быть упрощенными производствами. По сути, они превратились в ординарные дознания, но подлежащие окончанию в установленные ст. 226.6 УПК РФ достаточно короткие сроки [15, с. 126].

Во-вторых, слабую жизнеспособность сокращенного дознания можно объяснить его обремененностью целым рядом предусмотренных ст. 226.1 и 226.2 УПК РФ дополнительных, не свойственных ординарному дознанию условий. Такое множество правовых запретов и предписаний уже само по себе представляется явным перебором, а их одновременное выполнение — более чем затруднительным. И в этой связи количество подходящих для дознания в сокращенной форме уголовных дел уже изначально являлось достаточно умеренным, а соответствующие возможности полиции и других правоохранительных органов — весьма ограниченными, тогда как в реальности подобные условия вполне ожидаемо оказались еще менее выполнимыми. Прежде всего, заинтересованные в исходе уголовных дел субъекты: подозреваемые, обвиняемые (в том числе подсудимые), потерпевшие, стремясь к осуществлению сулящих различные выгоды замыслов либо, наоборот, намереваясь «мстить» за упущенные ввиду излишней доверчивости шансы, следуя рекомендациям «мудрых советчиков» или просто поддаваясь беспричинным капризам и причудам, принялись активно злоупотреблять предоставленными процессуальными правами, в первую

очередь отказываясь от ранее выраженных волеизъявлений. Кроме того, проявились и другие практические препоны, сильно осложнившие выполнение правовых условий сокращенного дознания. Разработанные для этих нужд прикладные технологии мгновенно обросли собственными российской системе уголовной юстиции бюрократическими ритуалами, привели к очередному увеличению количества «бумаг» и, следовательно, к разрастанию материалов досудебных производств. Одновременно дознавателям пришлось тратить дополнительные усилия на работу с потерпевшими и т.п.

Провальность Двадцать третьего федерального закона как продукт современной правотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства

Рассуждая о причинах практической несостоятельности и недостаточной востребованности сокращенного дознания, нельзя оставить без внимания низкое, не выдерживающее никакой критики качество Двадцать третьего закона. Так, невзирая ни на какие «благие намерения», несмотря на вполне понятные резоны дифференциации дознания, положения гл. 32.1 УПК РФ представляются более чем неудачными, не способствующими ни должному уяснению субъектами соответствующих правоотношений, главным образом профессиональными участниками уголовного судопроизводства, адресуемых им нормативных посылов, ни продуктивному использованию предоставленных возможностей. Многие из этих положений в очередной раз свелись к многословным, замысловатым, достаточно путаным, противоречивым, в связи с чем непригодным к надлежащему толкованию формулировкам, предполагающим, по справедливой оценкам некоторых ученых-процессуалистов [16, с. 47; 17, с. 9–10], целый ряд правовых лагун и коллизий. А некоторые из этих норм вообще способны завести в тупик.

Однако удивляться таким несуразностям особо не приходится. К великому сожалению, Двадцать третий закон — типичный продукт современной правотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства. Наряду с другими подобными «шедеврами», он во многом обязан своим возникновением кипучей энергии не сильно компетентных в вопросах уголовно-процессуального регулирования, не осознающих смысла и особенностей кодификации как способа систематизации уголовно-процессуаль-

ного права, не владеющих подлинной законодательной техникой, но при этом весьма самонадеянных министерских чиновников и прочих функционеров. К тому же в соответствии с существующими на сегодняшний день технологиями подготовки законопроектов «черновики» данного комплекта поправок к УПК РФ направлялись на согласование в целый ряд органов государственной власти и «экспертных» организаций⁴ — вполне вероятно, что представители некоторых из них тоже не упустили шанс внести посильную лепту в предлагаемые новшества, в том числе в целях лоббирования ведомственных либо иных корпоративных интересов.

Кроме того, по всей видимости, присущие Двадцать третьему закону несуразности далеко не в последнюю очередь связаны с неуверенностью причастных к разработке его проекта лиц в допустимости и целесообразности затеваемых преобразований. По крайней мере, в положениях гл. 32.1 УПК РФ отчетливо усматривается какая-то нерешительность «коллективного законодателя», угадываются явные сомнения в надобности столь серьезных упрощений. Создается впечатление, что разработчики Двадцать третьего закона фактически испугались собственных замыслов, вследствие чего проявили изрядную осторожность и побоялись делать резкие движения. Поэтому каждое предложенное послабление режима работы дознавателя было с лихвой компенсировано дополнительными процессуальными гарантиями, в первую очередь перманентными опциями, позволяющими возвратиться «на исходные позиции», т.е. вернуться к общему порядку дознания в любой момент производства по уголовному делу — вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Не исключено, что предпосылки подобной неуверенности состояли в интуитивном опасении «выпускания джинна из бутылки» — создания пагубного правотворческого прецедента, способствующего разрушению привычных стереотипов (дескать, оказывается, так было можно!) и усилению тенденций к упрощению иных форм предварительного расследования. Кроме того, эту неуверенность можно объяснить нежеланием нарваться на критические оценки ряда органов власти, государственных деятелей и, разумеется, адвокатского сообще-

ства, а также навлечь на себя ожидаемый гнев влиятельных представителей либеральной общественности — в 2013 г. их позиции были еще достаточно сильны.

Однако основная причина колебаний создателей проекта Двадцать третьего закона усматривается в несколько ином недостатке современной правотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства. Данные новшества, как и большинство других поправок к УПК РФ, были придуманы в отсутствие предварительно разработанной четкой и, самое главное, целостной научной концепции сокращенного дознания, т.е. без ясных представлений о сущности и характере предлагаемых нововведений, об условиях их имплантации в устоявшуюся систему уголовной юстиции и корреляции с ординарными формами и методами деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда. Исходя из имеющихся сведений, можно даже заключить, что реализованные в Двадцать третьем законе правотворческие инициативы вообще не предполагали какого-либо доктринального фундамента, т.е. не были предопределены результатами подлинно научных изысканий, сводящихся к подробному изучению и осмыслению генезиса национальных подходов к работе органов полицейского типа, к обобщению зарубежного опыта, к системному накоплению и должному анализу эмпирических материалов, к неказенному (!) вниканию в перманентно собираемые статистические данные и т.п. Конечно, говорить о полном отсутствии подобных доктринальных позиций все же не приходится — как указывалось выше, в предшествующие появлению гл. 32.1 УПК РФ годы о необходимости введения «второго», заметно упрощенного порядка дознания неоднократно писали известные ученые. Однако такие идеи были достаточно фрагментарными, не подразумевающими ни единства, ни требуемой упорядоченности, тем более что многие из них, к сожалению, не оказались достойными должного внимания разработчиков проекта Двадцать третьего закона. В противном случае следовало бы ожидать совершенно иных преобразований, например полной или частичной реставрации некогда существовавшей и до сих пор активно предлагаемой в научных публикациях протокольной формы досудебной подготовки материалов [18, с. 68], по крайней мере, некоторых присущих ей особенностей работы правоохранительных органов [19, с. 40].

⁴ Материалы к законопроекту № 33012-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6>.

**Стремление к созданию редуцированной
процессуальной формы
как основная причина неудачной попытки
дифференциации дознания**

Подводя итоги сказанному, следует оценить принципиальные возможности внедрения более перспективных подходов к дифференциации дознания, т.е. создания высокопродуктивной и качественно пригодной к активному использованию вариации сокращенного дознания либо какой-нибудь иной упрощенной формы предварительного расследования с аналогичным, во всяком случае сходным, предназначением. А в первую очередь хотелось бы взвесить реальные шансы на устранение либо нивелирование рассмотренных выше и приведших к низкой востребованности сокращенного дознания негативных факторов.

С одной стороны, подобные шансы вроде бы существуют и вполне могут быть использованы для сотворения более приемлемой для дознавательской практики нормативной модели упрощенного производства. Прежде всего, ничто не мешает попытаться несколько отступить от современных подходов к разработке вносимых в УПК РФ коррективов — постараться, наконец, отказаться от поспешной и сумбурной реализации перманентно возникающих правотворческих прожектов, предпринять исчерпывающие меры к созданию четкой и целостной научной концепции сокращенной формы работы органов дознания и поручить небольшой группе авторитетных в этой области ученых-процессуалистов (не министерских чиновников, не скованных корпоративными интересами функционеров, а именно подлинных ученых-процессуалистов!) подготовить отвечающий всем канонам юридической техники законопроект. Вполне вероятно, что в таком случае удастся частично сгладить и другие повлиявшие на низкую востребованность сокращенного дознания негативные факторы: сократить количество требуемых для него правовых условий, избежать замысловатости, путаности соответствующих положений закона, добиться уменьшения собственных им противоречий.

Вместе с тем, с другой стороны, эти старания все равно не принесут никаких ощутимых результатов, ведь имеющиеся у «коллективного законодателя», но пока не использованные шансы состоят только в возможности частично преодоления присущих сокращенному дознанию проблем, в первую очередь устранения

сильно осложняющих правоприменительную практику нормативных излишеств и несуразностей. Такие усилия смогут привести лишь к несколько большей популярности данной формы предварительного расследования, к некоторому увеличению количества соответствующих уголовных дел. Но добиться чего-то более значительного все равно не получится. Никаких реальных перспектив полного устранения негативных факторов, предопределивших нежизнеспособность, по крайней мере достаточно низкую востребованность сокращенного дознания, просто нет. Проще говоря, соответствующие правотворческие намерения уже изначально обречены на провал.

Указанные негативные факторы никоим образом нельзя признавать первопричинами ущербности и практической непопулярности сокращенного дознания. Гораздо правильнее рассматривать их всего лишь в качестве производных обстоятельств, возникших ввиду глобальных тенденций, свойственных развитию национальной уголовной юстиции в целом, а также недостатков современной уголовно-процессуальной политики. Подлинную первопричину провальности воплощенных в Двадцать третьем законе правотворческих замыслов надлежит связывать с более общим и важным явлением — *редукционностью (редукционной природой) сокращенного дознания*, т.е. со сведением его сущности исключительно к набору упрощений ординарного порядка дознания (изъятий из гл. 32 УПК РФ).

На первый взгляд, подобное утверждение может быть воспринято как достаточно странное и даже абсурдное. Казалось бы, какой вред правоприменительной практике способно причинить очевидное, само собой разумеющееся, четко синхронизированное с легальным наименованием данной формы предварительного расследования и к тому же прямо предусмотренное уголовно-процессуальным законом положение о редуцированности (об упрощенности) сокращенного дознания — о его преимственности по отношению к общему порядку дознания и одновременной обусловленности некоторыми упрощениями (изъятиями). А между тем именно это положение и является основным детерминантом ущербности и нежизнеспособности сокращенного дознания. Именно в ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ и «зашифровано» подлинное объяснение его невостребованности для нужд досудебного производства.

Ведь суть любого упрощения состоит в сведении чего-то исконно сложного к более простому и примитивному. А в части упрощения уголовно-процессуальной формы подобные задачи надлежит решать посредством послабления некоторых процедурных требований, т.е. снижения изначально высокой степени обремененности тех или иных правоотношений юридическими гарантиями доброкачества соответствующих результатов. Однако реализованные в Двадцать третьем законе идеи о редукции ординарного дознания представляются не вполне укладывающимися в эту парадигму.

Так, вытекающий из смысла гл. 32 УПК РФ общий, вроде бы как базовый порядок дознания — далеко не стандартная, не типичная для уголовной юстиции форма работы правоохранительных органов, вовсе не исконно свойственная предварительному расследованию правовая данность. Напротив, бытующие на сегодняшний день подходы к ординарному дознанию возникли относительно недавно — вследствие начатых в 1920-х гг. и проводимых в течение нескольких десятков лет перманентных преобразований советского и даже постсоветского досудебного производства. В итоге некогда существовавшее классическое полицейское дознание со временем превратилось в полноценную уголовно-процессуальную деятельность, а некоторые присущие ему и, к слову, достаточно простые формы и методы выявления и раскрытия преступлений, сохранения следов произошедшего, установления и задержания подозреваемых и т.п. сильно усложнились, обросли множеством процессуальных гарантий, стали сходны с формами и методами работы органов предварительного следствия [20, с. 62–63]. Другими словами, к моменту появления сокращенного дознания предусмотренное гл. 32 УПК РФ ординарное дознание являлось далеко не базовой, а сильно усложненной формой работы правоохранительных органов.

Таким образом, введение сокращенного дознания привело к возникновению правового парадокса. В Двадцать третьем законе была предпринята достаточно странная редукционная попытка упрощения ранее усложненного (!), т.е. долгожданного избавления дознания от ранее навьюченных на него процессуальных тяжестей, подобно освобождению гондолы теряющего высоту воздушного шара от заранее запасенных балластных мешков с песком. В этом и состояла основная, весьма

грубая и непростительная ошибка «коллективного законодателя». Она была предопределена игнорированием общей парадигмы упрощений уголовно-процессуальной формы — упрощать можно было лишь нечто исконно сложное, а не ставшее таковым в результате более ранних преобразований. Следовательно, вознамерившись подвергнуть редукции предварительно усложненные механизмы ординарного дознания, разработчики проекта Двадцать третьего закона вполне ожидаемо смогли ограничиться лишь точечными мерами, выраженными во фрагментарном послаблении отдельных правовых требований, наименее коррелированных с прочими запретами, дозволениями, предписаниями, — тех самых балластных мешков с песком. В противном же случае пришлось бы посягать на неприкосновенное и «переписывать» добрую половину УПК РФ — перекраивать всю систему дознания и даже досудебного производства в целом, т.е. не сбрасывать мешки с песком, а облегчать конструкцию самой гондолы. Поэтому избавить сокращенное дознание от основной массы свойственных ординарному дознанию и возникших в советский период юридических гарантий, равно как и от соответствующих процессуально-процедурных компонентов, конечно, не удалось. Напротив, потребовались дополнительные правовые рычаги, способствующие реализации подобных гарантий, например никуда не девшихся прав подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, в условиях действия вводимых новшеств. К слову, нетрудно предположить, что к точно таким же парадоксам, скорее всего, приведут любые новые правотворческие шаги, состоящие в упрощении предусмотренного гл. 32 УПК РФ дознания как изначально усложненной формы работы правоохранительных органов полицейского типа.

Выводы

На основании всего изложенного напрашивается вывод, что бытующие идеи о рационализации досудебного производства за счет дифференциации дознания посредством введения «вторых», упрощенных механизмов работы полиции либо других правоохранительных органов видятся не предполагающими никакой особой перспективности и подлежащими искоренению. А проводимая в данном направлении уголовно-процессуальная политика представляется совершенно неразумной — дорогой в никуда.

Именно в этой связи направленные на создание в 2013 г. сокращенной формы дознания правотворческие замыслы неизбежно потерпели фиаско: с одной стороны, введенные новшества оказались бессмысленными, не приносящими никакой практической пользы, тогда как с другой — привели к дополнительным рискам и трудностям в работе наделенных дознавательскими полномочиями правоохранительных органов. Иначе говоря, справиться с поставленными задачами и внедрить максимально простой, скоротечный и, что немаловажно, достаточно дешевый механизм расследования не предполагающих особой тяжести очевидных преступлений наподобие дореволюционного или раннесоветского дознания «коллективному законодателю» было не под силу. Ввиду тех же самых причин такими же провальными станут и все последующие правотворческие инициативы, связанные с редукцией (упрощением) общей формы процессуальной деятельности органов дознания, в том числе разработанные МВД России предложения о введении особого порядка досудебного производства, о которых

говорилось выше. Любые попытки упрощения ранее усложненного — это дорога в никуда; они потерпят неминуемое фиаско.

В завершение остается лишь добавить, что реальные перспективы упрощения, ускорения и удешевления дознавательской практики полиции и других правоохранительных органов могут усматриваться лишь в одном — в общем изменении подходов к проведению дознания, в ослаблении предъявляемых к нему требований, в полной или частичной реставрации существовавшей ранее и достаточно сильно отличающейся от предварительного следствия модели дознавательской деятельности, например некогда существовавшей протокольной формы досудебной подготовки материалов, направленной на оперативное выяснение обстоятельств случившегося и скорейшую передачу сформированных материалов в суд. Не исключено, что в таком случае потребность в какой-либо дифференциации дознания отпадет сама собой. Именно к подобным мерам и должны сводиться основные веяния уголовно-процессуальной политики России в части оптимизации работы органов дознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А.И. Александров. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. — 562 с. — EDN QWGWQH.
2. Давлетов А.А. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок. — EDN VFFIUV // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 6. — С. 31–37.
3. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? / А.П. Кругликов. — EDN OBRWSH // Российская юстиция. — 2011. — № 6. — С. 56–59.
4. Гаврилов Б.Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б.Я. Гаврилов. — EDN XUIBWU // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 6. — С. 7–14.
5. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. — Москва : Изд-во Моск. ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, 2008. — 581 с. — EDN WCSBTH.
6. Гаврилов Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства / Б.Я. Гаврилов. — EDN OEDTYZ // Российский следователь. — 2011. — № 16. — С. 10–13.
7. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания / О.В. Качалова. — EDN QCBVLN // Уголовный процесс. — 2013. — № 6 (102). — С. 32–36.
8. Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения / С.И. Гирько. — EDN RFLUVZ // Российский следователь. — 2013. — № 21. — С. 2–5.
9. Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения / Б.Я. Гаврилов. — DOI 10.17150/2072-0904.2014.5(6).21. — EDN TCBUWF // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2014. — № 6. — С. 21.
10. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов / А.В. Смирнов. — EDN QCBVLD // Уголовный процесс. — 2013. — № 6 (102). — С. 22–31.
11. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. / О.Л. Васильев. — EDN RBVCHB // Закон. — 2013. — № 8. — С. 100–108.
12. Шейфер С.А. Следует ли отказаться от допустимости как необходимого свойства доказательств? / С.А. Шейфер, М.А. Кошелева. — EDN RVTNRR // Уголовная юстиция. — 2013. — № 1. — С. 56–58.
13. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / Е.А. Доля. — EDN QJESUH // Российский судья. — 2013. — № 6. — С. 43–46.
14. Воронов Д.А. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования / Д.А. Воронов, В.В. Кальницкий, К.В. Муравьев. — EDN QDFDGV // Уголовное право. — 2013. — № 3. — С. 81–85.
15. Ярыгина Л.А. Практика реализации норм главы 32.1 УПК РФ / Л.А. Ярыгина. — EDN XXHDGH // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2016. — № 3 (38). — С. 123–128.

16. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования / Н.Н. Ковтун. — EDN TWJRZH // Российская юстиция. — 2013. — № 12. — С. 47–49.
17. Мичурина О.В. Извечные вопросы дознания и попытки дать ответы на них / О.В. Мичурина. — DOI 10.18572/1812-3783-2022-11-8-11. — EDN ETAGEB // Российский следователь. — 2022. — № 11. — С. 8–11.
18. Шадрин В.С. Дознание как форма предварительного расследования / В.С. Шадрин. — EDN UBDFDQ // Законность. — 2023. — № 8. — С. 65–69.
19. Гаврилов Б.Я. Совершенствование досудебного производства как фактор повышения эффективности уголовного судопроизводства в России / Б.Я. Гаврилов. — EDN YMIING // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 36–42.
20. Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса / С.Б. Россинский. — DOI 10.31857/S102694520023041-6. — EDN CRAUAH // Государство и право. — 2023. — № 4. — С. 58–65.

REFERENCES

- Aleksandrov A.I. *Criminal Policy and Criminal Procedure in the Russian State: History, Modernity, Prospects, Problems*. Saint Petersburg State University Publ., 2003. 562 p. EDN: QWGWQH.
- Davletov A.A., Azarenok N.V. The Balance of Public and Private Interests as a Fundamental Factor in the Formation of the Modern Russian Criminal Process. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 6, pp. 31–37. (In Russian). EDN: VFFIUU.
- Kruglikov A.P. Is the Stage of Initiation of a Criminal Case Necessary in the Modern Criminal Process in Russia? *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2011, no. 6, pp. 56–59. (In Russian). EDN: OBRWSH.
- Gavrilov B.Ya. XX Years of the Russian Criminal Procedure Law: Whether It Meets the Scientific Views and Requirements of the Law Enforcement Officer. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 6, pp. 7–14. (In Russian). EDN: XUIBWU.
- Michurina O.V. *The Concept of Inquiry in the Criminal Procedure of the Russian Federation and Problems of Its Implementation in the Internal Affairs Bodies*. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2008. 581 p. EDN: WCSBTH.
- Gavrilov B.Ya. On Measures for Legislative Improvement of Pre-Trial Proceedings. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2011, no. 16, pp. 10–13. (In Russian). EDN: OEDTYZ.
- Kachalova O.V. Proof in Abbreviated Inquiry Proceedings. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2013, no. 6, pp. 32–36. (In Russian). EDN: QCBVLN.
- Gir'ko S.I. Criminal Case Production in the Reduced Form: Forecasts and Judgments. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 21, pp. 2–5. (In Russian). EDN: RFLUVZ.
- Gavrilov B.Ya. Investigation in the Reduced Form: Legislative Myths and Realities of Law Enforcement. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikalskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2014, no. 6, pp. 21. (In Russian). EDN: TCBUWF. DOI: 10.17150/2072-0904.2014.5(6).21.
- Smirnov A.V. Inquiry in an Abbreviated Form: Once Again about the Spirit of Law. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2013, no. 6, pp. 22–31. (In Russian). EDN: QCBVLD.
- Vasiliev O.L. New Stage of Reform of Pre-Trial Stages of Criminal Procedure. Critical Analysis of the 2013 Innovations. *Zakon = Law*, 2013, no. 8, pp. 100–108. (In Russian). EDN: RBBCHB.
- Sheifer S.A., Kosheleva M.A. Should We Abandon Admissibility as a Required Property of Evidence? *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2013, no. 1, pp. 56–58. (In Russian). EDN: RVTNRR.
- Dolya E.A. Peculiarities of Proof During an Inquiry in an Abbreviated Form. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2013, no. 6, pp. 43–46. (In Russian). EDN: QJESUH.
- Kalnitsky V.V., Muravyev K.V., Voronov D.A. The Concept of Inquiry in Abbreviated Form: Achievements and Issues of Improvement. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2013, no. 3, pp. 81–85. (In Russian). EDN: QDFDGV.
- Yarigina L.A. Practice Implementation of Chapter 32.1 of the RF Code of Criminal Procedure. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2016, no. 3, pp. 123–128. (In Russian). EDN: XXHDGH.
- Kovtun N.N. Inquiry in Abbreviated Form: Collisions and Gaps Regulatory. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2013, no. 12, pp. 47–49. (In Russian). EDN: TWJRZH.
- Michurina O.V. Perennial Questions of Interrogation and Attempts at Answering Them. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 11, pp. 8–11. (In Russian). EDN: ETAGEB. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-11-8-11.
- Shadrin V.S. Inquiry as a Form of Preliminary Investigation. *Zakonost' = Legality*, 2023, no. 8, pp. 65–69. (In Russian). EDN: UBDFDQ.
- Gavrilov B.Ya. Improvement of Pre-Judicial Production as a Factor of Increase in Efficiency of Criminal Legal Proceedings in Russia. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 4, pp. 36–42. (In Russian). EDN: YMIING.
- Rossinskiy S.B. The Russian System of Pre-Trial Proceedings as a Synthesis of Different Types of Criminal Procedure. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 4, pp. 58–65. (In Russian). EDN: CRAUAH. DOI: 10.31857/S102694520023041-6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>, SPIN-код: 8295-9884, ResearcherID: A-9583-2019.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinskiy, Sergey B. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka Str., Moscow, 119019, the Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>, SPIN-Code: 8295-9884, ResearcherID: A-9583-2019.